

УДК 81-26
ББК 81.0

С.В. Коростова

КОНЦЕПТЫ РАДОСТЬ И СТРАДАНИЕ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Уникальность концептов эмоций в русской лингвокультуре заключена в их собственной семантической сфере. Концептуализируя эмоции, русский человек прежде всего понимает их как отношение к другому. Представленные в статье способы вербализации концептов определяют специфику концептов эмоций *радость* и *страдание* в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: *концептуализация эмоций, когнитивная интерпретация событий, эмотив, эмоциональный режим.*

DOI 10.23683/1995-0640-2017-4-88-96

Коростова Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-919-895-70-54
E-mail: svetolen@yandex.ru

© Коростова С.В., 2017.

Концепты эмоций выступают как структуры знания, ментальные образования, которые формируют языковую картину мира. Представляется значимым лингвокогнитивный анализ таких концептов, языковые проекции которых включают эмоциональную оценку ситуации и ее компонентов. Речь идет о концептах *страдание* и *радость*, представляющих собой два полюса оценки – негативный и позитивный.

Вербализованные концепты эмоций сохраняются именно на лексическом и фразеологическом уровнях, поскольку единицы этих уровней относительно устойчивы к влиянию социальных и психологических факторов. Нельзя не согласиться с мнением Н.А. Красавского о том, что «лексикализованная эмоция есть эмоциональный концепт, поскольку она как знаковое образование существует, функционирует в лингвокультуре и, следовательно, отражает в себе эмоциональный опыт индивида, в целом социума, оценочно категоризирует, концептуализирует окружающий мир» [Красавский, 2008, с. 81].

Известно, что эмоции возникают помимо воли субъекта и вызываются либо внутренними причинами, либо событием, лежащим вне субъекта и не зависящим от его воли и желания. Для русского языкового сознания одной из ключевых идей является представление о неконтролируемости эмоциональных состояний: «...русский язык располагает также богатым арсеналом средств, дающих людям возможность гово-

речь о своих эмоциях как о независимых от их воли и ими неконтролируемых» [Вежбицкая, 2011, с. 342].

Эмоции можно определить как результат действия «эффекта обманутого ожидания». Анормативность поведения другого или непредсказуемость исхода ситуации каузирует вербализованную или невербализованную репрезентацию эмоционального состояния субъекта речи. Причем субъект речи в процессе интерпретации формирует определенное оценочное отношение к ситуации и ее составляющим.

По данным этимологии, внутренняя форма концепта *радость* такова: «Ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение гармонии меня со средой, “заботы” кого-то обо мне, и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому» [Степанов, 2004, с. 453]. Обращая внимание на двойственность концепта *радость*, Ю.С. Степанов отмечает, что само явление радости как бы распределено между материальным объектом, средой, и внутренним состоянием человека, причем среда есть причина, а внутреннее состояние – следствие [Степанов, 2004]. Нельзя не увидеть тот же двойственный характер представлений о страдании, где окружающий мир становится причиной негативного состояния субъекта, а само внутреннее состояние превращается в следствие.

Традиционное противопоставление лексических манифестантов концептов эмоций *радость* – *горе*, как представляется, связано с парадигматическими отношениями их ядерных компонентов. Однако эта оппозиция основывается скорее на общей семе – <причина внутреннего состояния> и не затрагивает сему <следствие> (ср. *доставить радость* – *причинить горе*). Семантическая оппозиция *радость* – *страдание* акцентирует внимание на самом внутреннем состоянии, что отражается и в лексикографических дефинициях: «Страдание, -я, ср. 1. Физическая или **нравственная** боль, мучение. *Испытывать страдания. Умереть в страданиях*» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 760]; «Радость, -и, ж. 1. Веселое чувство, ощущение большого **душевного** удовлетворения. *Испытывать р. Доставить р. Вне себя от р. (очень рад). С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью)*» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 629].

В Большом толковом словаре синонимов русской речи представлено несколько иное объяснение рассматриваемых лексем в терминах семантической идеи и прототипа: РАДОСТЬ «Семантическая идея: чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения. Прототип (устойчивый мысленный образ): чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения, наслаждения, обусловленное достигнутым успехом, сопрягаемое обычно с любовью, восторгом, вдохновением и др. положительными эмоциями, проявляемое внешне в улыбке, смехе, активной жестикуляции, эмоциональной восторженной интонации, в экспрессивных восклицаниях» [Большой толковый словарь синонимов русской речи, 2008, с. 257] Приводимые в словаре близкородственные фразеологизмы отражают само состояние радости, которое актуализируется в метафорических сочетаниях: *отвести душу; на радостях; вне*

себя от радости, не помнить себя от радости, не слышать земли под собой (под ногами), быть (чувствовать себя) на седьмом небе; быть (чувствовать себя) на верху блаженства; прыгать (скакать) от радости; взыграла душа, взыграло сердце, как маслом по сердцу кому что; как Христос в лапотках (босиком) по душе прошелся [Там же, с. 259]. Очевидно, концепт *радость* определяется метафорой верха, связанной с душой (сердцем) как частью духовности человека, поднимающей его над материальным, вещным. Именно поэтому многие исследователи подчеркивают совершенно иное оценочное отношение к лексеме *удовольствие*. Как замечает Анна А. Зализняк, выделяя в одной из своих работ оппозицию *радость – удовольствие*, «*удовольствие*, будучи само по себе аксиологически по меньшей мере нейтральным, в русской языковой картине мира сдвигается в область отрицательной оценки: человек, одолеваемый жаждой удовольствий и проводящий свою жизнь в погоне за удовольствиями, представляется жалким, бездуховным существом» [Зализняк, 2005, с. 156 – 157].

Семантическая идея лексемы *страдание* – «тяжелое физическое или душевное состояние кого-л.» Прототип: тяжелое физическое или душевное состояние кого-л., физическая или нравственная боль, вызываемые как внешними <...>, так и внутренними <...> причинами. Такое состояние обычно долго длится и может проявляться в слезах, судорогах, стогах, сгорбленности позы, искаженной мимике лица, бледности и серости кожи; следствием его, как правило, являются утрата жизненных сил, снижение активности и жизненной энергии» [Большой толковый словарь синонимов русской речи, 2008, с. 249]. Фразеологические сочетания, отражающие в русском языковом сознании концепт *страдание*, также включают в свой состав лексемы *душа* и *сердце*. Однако в них отражен процесс физической трансформации, которые испытывает человек под влиянием этого чувства, например: *сердце (душа) разрывается (рвется) [на части]; ад в душе (в груди); кромешный ад на душе; бьет по сердцу; сердце кровью обливается; тянуть душу; нож в сердце* и под. [Там же, с. 251].

Таким образом, страдание и радость как элементы внутреннего мира индивида концептуализируются в русском языковом сознании «как неподконтрольное телу существо, живущее своей собственной жизнью, воздействующее на других внутренних существ и даже на самого человека» [Кондратьева, 2005, с. 83].

Концепты эмоций *радость* и *страдание* входят в состав исходных эмотивно-оценочных смыслов, представляя собой основу психического склада личности. Кроме того, рассматриваемые эмоции относятся к числу базовых, или фундаментальных, выделенных известным американским психологом К. Изардом: 1) интерес – волнение; 2) радость; 3) удивление; 4) горе – страдание; 5) гнев; 6) отвращение; 7) презрение; 8) страх; 9) стыд; 10) вина. [Изард, 2007, с. 64]. Остальные эмоции ученый считает производными, или комплексными, в частности, к таким

сложным, комплексным эмоциям относится любовь, которая может сочетать в себе и радость, и страдание.

Любовь – одно из самых главных эмоциональных переживаний в русской картине мира. Характеризуя любовь как главную добродетель человека, Иоанн Златоуст пишет, что она «есть глава, корень, источник и мать всех благ...» [Святитель Иоанн Златоуст, 2013, с. 388]. Цитируя Библию, а именно, высказывание Апостола Павла, Иоанн замечает: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13.8, 13). Главное в любви то, что она «не мыслит зла». Причем это чувство в православии ассоциируется с радостью, о которой в Священном Писании говорится не менее 800 раз. Кроме того, в названии икон, в церковных службах, в молитвах святым и акафистах слово *радость* и производные от него доминируют, в отличие от лексемы *счастье*: иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», «Нечаянная радость», в текстах молитв и тропарей «...радуйся, обрадованная», «Слуху моему даси радость и веселие; возрадуются кости смиренныя». Эмоциональное состояние радости для всех и со всеми оказывается более значимым для православного языкового сознания, которое составляет значительную часть русской картины мира.

Потребность в радости предполагает и потребность в конкретных страданиях. Стремясь избавиться от страданий, мы анализируем и постигаем мир. Характерное для русской культуры христианско-языческое, «диссонансное» мировоззрение, основанное на ощущении несовершенства земной жизни, определило существование таких антропологических констант, как склонность к страданию и состраданию [Коростова, 2003].

В русском языковом сознании концепты эмоций *страдание* и *радость* взаимообуславливают друг друга: в пресуппозиции представления о страдании существует знание о том, что оно не бесконечно и всегда сменяется радостью, и наоборот, например: *Кто с вечера плачет, поутру засмеется; Ни радости вечной, ни печали бесконечной; Сей слезами, радостию пожнешь*. Русское наивно-языковое сознание отражает древнейшие представления о чередовании явлений и событий, желательных и нежелательных для человека.

Концептуализируя эмоциональное состояние радости, русский человек представлял личную радость как эмоциональное индивидуальное действие, а *ликование*, *веселье* как действия коллективные. Именно поэтому в фольклорных источниках обнаруживается устойчивая пара *радость*–*веселье*, поскольку сочетания «поделиться радостью» или «излить горе» в русском языковом сознании всегда предполагают, что «Я» соединяется с «ты» посредством «мы» [Колесов, 1999, с. 136].

Лексемы *радость* и *ликование* различаются не только степенью интенсивности эмоций, но и категорией соборности, которая входит в семантику синонимов *ликование* и *веселье*, например: *Ликование в городе*

было неслыханное. Во всех церквах служили молебны, все колокола звонили, как в светлое Христово воскресенье... (А.К. Толстой. Князь Серебряный); Как страшно жизни сей оковы Нам в одиночестве влачить. Делить веселье – все готовы: Никто не хочет грусть делить. (М.Ю. Лермонтов. Одиночество).

Концепт *страдание* имеет две смысловые линии, отраженные в словарном толковании: <очень сильная физическая или нравственная боль>, причем, как показывает языковой материал, доминирует именно духовная составляющая концепта, например: *Алексей Александрович, увидав слезы Вронского, почувствовал прилив того душевного расстройства, которое производил в нем вид страданий других людей, и, отворачивая лицо, он, не дослушав его слов, поспешно пошел к двери* (Л. Толстой. Анна Каренина).

В русской языковой картине мира концепты *страдание* и *радость* тесно связаны с такой категорией национальной культуры, как *доля*. Ядерный компонент концепта входит в синонимический ряд *судьба, участь, жребий, удел*, доминантой которого является лексема *судьба*. Определяя значения лексемы, А.Д. Шмелев утверждает, что в русском языке под судьбой понимаются <события чьей-либо жизни> и <таинственная сила, определяющая события чьей-либо жизни>. Соответственно этим двум значениям лексема *судьба* является доминантой двух различных синонимических рядов: (1) *рок, фатум, фортуна* и (2) *доля, участь, удел, жребий*. Нельзя не согласиться с ученым в том, что «за употреблением этого слова стоит представление о том, что из множества возможных линий развития событий в какой-то момент выбирается одна (*решается судьба*) – важная роль, которую данное представление играет в русской картине мира, обуславливает высокую частоту употребления слова *судьба* в русской речи и в русских текстах, значительно превышающую частоту употребления аналогов этого слова в западно-европейских языках» [Шмелев, 2005, с. 30]. Представляется значимым эмотивно-оценочный компонент смысла ядерной лексемы концепта, входящей в синонимический ряд *доля, участь, удел, жребий* – <таинственная сила, определяющая негативные события чьей-либо жизни, изменить которые человек не в состоянии>.

Говоря о негативно-оценочном эмоциональном фоне при употреблении синонимического ряда (2), обратимся к наивной картине мира, отраженной в фольклорных источниках. Например, в русской пословице *Доля есть да воли нет* явно отрицательную оценку получает именно невозможность контролировать судьбу, изменить ее. Для отношения русского человека к *доле* характерна некоторая интимизация, введение данного концепта в структуру внутреннего мира говорящего: это единственное из синонимического ряда существительное, имеющее закрепленную лексикографическую форму субъективной оценки – *долюшка*. Современное употребление свидетельствует о том, что языковые репрезентации концепта *доля* синтагматически близки ядерному компоненту концепта эмоций *страдание* (ср. *На его долю выпало много страда-*

ний / *горя, мучений* при невозможности сочетаний с лексемами *радость, удовольствие*), причем временные рамки этого действия охватывают и прошлое, и настоящее.

Нельзя не заметить, что концепты эмоций *страдание* и *радость* тесно связаны с универсальной категорией времени. Как показывают наблюдения над языковыми проекциями концептов, *страдание* осознается как более длительный процесс, нежели *радость*. Однако для последнего характерно представление о подготовительном периоде, предчувствии радости, его меньшей непредсказуемости для человека, чем эмоциональное состояние страдания. Эмоциональный опыт страдания оказывается для русского человека значительнее, чем скоротечные минуты радости: *В большом горе и маленькая радость велика; В страданиях время тянется долго; Натерпишься горя – научишься жить; Ни радости вечной, ни печали бесконечной.*

Преднамеренное обращение к эмоциям (языковым единицам, предназначенным для выражения эмоций) в речи может вызвать в сознании говорящего то эмоциональное состояние, знаками которого являются использованные эмотивы. К эмотивам, входящим в семантическое поле концепта *радость*, относятся следующие фразеологические единицы и междометные предложения: *Быть на седьмом небе, на вершине блаженства; Слава Богу (Слава те (тебе) господи! Будет и на нашей улице праздник! Любо-дорого!* и т.п. Лексема *радость*, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, оказывается более частотной в основном корпусе, чем слово *страдание*: на 6415 документов более 18 тысяч вхождений лексемы *радость*, тогда как *страдание* – на 1387 документов 2823 вхождения.

Эмотивы, определяющие языковые репрезентации концепта *страдание*, не отличаются разнообразием, что, вероятно, связано с нежелательностью самого чувства для человека. К подобным эмотивам можно отнести паремиологические единицы с ключевыми словами *сердце и душа*, которые в русском языковом сознании предстают как вместилища страданий: *сердце екает, замирает, падает, отрывается; до глубины души, душа болит, перевернуть всю душу* и т.п. Языковые средства выражения концепта связаны с необходимостью реализации стратегии утешения, сочувствия, сострадания к субъекту эмоций. Однако названная стратегия, обусловленная культурно-историческими факторами, может подвергаться изменениям под воздействием «эмоционального режима». Понятие «эмоциональный режим», введенное этнографом-историком Уильямом Редди, включает представление о том, что когнитивная интерпретация событий в сознании человека может измениться под влиянием целенаправленного контроля за эмоциями. Под термином «эмоциональный режим» Редди понимает «набор нормативных эмоций и официальных ритуалов, практик и эмотивов, которые их выражают и внедряют, необходимый фундамент любого стабильного политического режима» (цит. по: [Плампер, 2010, с. 22]). Как правило, реализация этих практик и нормативных эмоций происходит в массмедиа.

Современный газетный подкорпус Национального корпуса русского языка отражает частотность употребления ядерного компонента концепта *радость*: на 4912 документов 5511 вхождений данной лексемы, что превышает по частотности использования в речи, в тексте лексемы *страдание*: на 162 документа 173 вхождения. Статистика распределения функционирования рассматриваемых лексических единиц – имен концептов эмоций радости и страдания – от 1800 до 2014 года показывает картину изменения их употребления, связанного, очевидно, с историческими и культурными событиями в жизни народа. Например, слово *радость* в 1945 г. насчитывает 90 употреблений на 1 млн словоформ, но уже в 1950 г. уровень снижается до 60 употреблений, незначительное повышение наблюдается в 1960 г., период «оттепели» в культурной жизни страны. Другую статистическую динамику претерпевает лексема *страдание*. Наибольшее число употреблений в газетном подкорпусе приходится на 1945 г. (22 на 1 млн), 1986 г. (18 на 1 млн) и 2013 г. (23 на 1 млн), между этими временными точками наблюдается то незначительное увеличение, то снижение употребления. Современный «эмоциональный режим» во многом определяется средствами массовой информации, для которой радостные события оказываются не столь информативно ценными, чем негативные, связанные со страданиями других людей вследствие катастроф, войн и т.п.

Риторическое мышление, характерное для современного человека, актуализирует определенные прагматические цели, связанные с трансформацией культурно значимой русской идеи о приоритете внутреннего, духовного, над внешним, материальным. Об этом еще в 1938 г. писал известный немецкий философ Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока»: «Человек цели настроен враждебно к жизни, человек с выразительным мышлением позволяет жизни действовать через себя и чувствует себя счастливым. Целевое мышление есть форма мысли властного человека; выразительное мышление есть форма мысли отдающей себя души. Чувство предшествует мысли. Это утверждение не может признать западный человек, не доверяющий чувственной жизни. Но в этом утверждении клятвенно убежден русский. Жизнеощущение, то есть иррациональная часть души, – это центральная сила, диктующая человеку то, о чем и как он мыслит. О чем бы он ни думал, происходит высвобождение душевных сил. Это образ мышления поэтов. Духовно развитый русский по сути своей – поэт...» (цит. по: [Ирзабеков, 2013, с. 287]).

Таким образом, концептуализируя эмоции, русский человек прежде всего понимает их как отношение к другому, как отношение с другим. Именно чувственная сфера оказывается приоритетной в интерпретации русским человеком событий и явлений окружающего мира. Эмоциональная картина мира предполагает существование *радости и страдания* как особых существ внутреннего человека, что отражается и в средствах вербализации концептов.

Литература

- Вежбицкая Анна.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011
- Вольф Е.М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55-75.
- Зализняк Анна А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 153–174.
- Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006.
- Ирзабеков Василий (Фазиль).* РУССКОЕ СОЛНЦЕ, или Новые тайны русского слова. М.: Даниловский благовестник, 2013. 496 с.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999.
- Кондратьева О.Н.* Душа, сердце, ум // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 80 – 92.
- Коньрева И.В.* Плач как феномен русской культуры: дис. ... канд. культурологических наук. Комсомольск-на-Амуре, 2003. 166 с.
- Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. М.: Гнозис, 2008. 374 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994.
- Плампер Ян.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. статей / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–37.
- Святитель Иоанн Златоуст: житие, поучения, церковное почитание, молитвы, акафист, канон / сост. В. Чернов. М.: Николин день; Артос-Медиа, 2013. 576 с.
- Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Шмелев А.Д.* Лексический состав русского языка как отражение «русской души» // *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 25–36.

References

- Vezhbickaya Anna. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye koncepty*. M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2011. (In Russian).
- Volf E.M. *Emotsionalnyye sostoyaniya i ikh predstavleniya v yazyke // Logicheskyy analiz yazyka. Problemy intensionalnykh i pragmaticheskikh kontekstov*. M., Nauka, 1989, pp. 55-75. (In Russian).
- Zaliznyak Anna A. *Shchastye i naslazhdeniye v russkoy yazykovoy kartine mira* In: *Zaliznyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st.* M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005, pp. 153-174. (In Russian).
- Izard K.E. *Psikhologiya emotsiy*. SPb.: Piter, 2006. (In Russian).
- Irzabekov Vasiliy (Fazil). *Russkoye solntse, ili Novyye tayny russkogo slova*. M.: Danilovskiy blagovestnik, 2013. 496 p. (In Russian).

Kolesov V.V. «*Zhizn' proiskhodit ot slova...*». SPb: «Zlatoust», 1999. (In Russian).

Kondratyeva O.N. Dusha, serdtse, um. *Antologiya kontseptov. Pod red. V.I. Karasika, I.A. Sternina*. Tom 1. Volgograd: Paradigma, 2005, pp. 80-92. (In Russian).

Krasavskiy N.A. *Emotsionalniyye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokulturakh: monografiya*. M.: Gnozis, 2008. 374 p. (In Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. M., Az", 1994. (In Russian).

Plamper Yan. *Emotsii v russkoj istorii. Rossiyskaya imperiya chuvstvo: Podkhody k kulturnoy istorii emotiy. Sb. Statey. Pod red. Yana Plampera, Shammy Shakhdat i Marka Eli*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010, pp. 11-37. (In Russian).

Svyatitel Ioann Zlatoust: *Zhitiye, poucheniya, tserkovnoye pochitaniye, molitvy, akafist, kanon*. Sost. V. Chernov. M.: Nikolin den'; Artos-Media, 2013. 576 p. (In Russian).

Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar' russkoj kultury: 3-e izd., ispr. i dop.* M.: Akademicheskij Proekt, 2004. (In Russian).

Cherneyko L.O. *Lingvo-filosofskiy analiz abstraktnogo imeni*. M., 1997.

Shmelev A.D. *Leksicheskiy sostav russkogo yazyka kak otrazheniye «russkoj dushi»*. In: *Zalozhnyak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyuchevye idei russkoj yazykovoy kartiny mira*. Sb. st. M.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2005, pp. 25-36.

Svetlana V. Korostova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Concepts Joy and Suffering in Russian Linguaculture

In the Russian linguistic consciousness, the concepts of emotions *joy* and *suffering* are verbalized at the lexical and phraseological levels, forming the basis for metaphorical combinations.

Concepts of emotions, *suffering* and *joy* are mutually reinforcing: in the presupposition of the idea of *suffering*, there is a knowledge that it is not infinite and is always replaced by joy. Russian naive-linguistic consciousness reflects the oldest ideas about the alternation of phenomena and events, desirable and undesirable for man. The concepts of *suffering* and *joy* are closely related to the universal category of time. As observations on linguistic projections of concepts show, *suffering* is realized as a longer process than *joy*.

Emotives of different levels of language represent emotional states of *joy* and *suffering* in Russian linguistic culture. According to the National Corpus of the Russian language, lexical demonstrators of the concept of *joy* dominate. Cognitive interpretation of events in the mind of a person can be changed under the influence of the emotional regime carried out by the media.

Key words: *conceptualization of emotions, cognitive interpretation of events, emotive, emotional regime.*

Svetlana V. Korostova – candidate philol. sciences, associate Professor, Department of Russian language of Institute of Philology, Journalism and cross-cultural Communication, Southern Federal University.